УДК 340.132.6
DOI: https://doi.org/10.17816/RJLS629275

Теория и практика сочетания моделей процесса в деятельности Судебной палаты Международного уголовного суда

Д.А. Печегин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. В условиях активного развития информационных технологий и их интегрирования в основные модели судопроизводства вопрос о функциях и роли суда при рассмотрении уголовного дела по существу вновь становится одним из наиболее актуальных для современной науки. С одной стороны, интерес многих ученых направлен на усиление состязательного характера судопроизводства и обеспечение, насколько это возможно, баланса сил между сторонами, а также построение механизмов по реализации гарантий права на судебную защиту. С другой стороны, судопроизводство, не преследующее какой-либо закрепленной нормативно цели, ведет к излишнему формализму, поскольку единственным апробированным способом установления обстоятельств дела остается состязательность, которая не вполне соотносится с категориями правосудности и справедливости приговора как итогового решения суда «по правде». Международный уголовный суд (далее — МУС) — это воплощение научного подхода к решению проблемы сочетания различных форм судопроизводства, обеспечения баланса сил сторон, в том числе посредством закрепления за судом активной роли и постановки цели достижения истины в процессе. При этом уголовный процесс МУС — результат специального научного моделирования, учитывающего выявленные доктринальные тенденции, а степень общности подходов ведущих юристов в структуре Римского статута МУС настолько высока, что можно говорить об их универсальности. Данная статья посвящена теоретическим и практическим аспектам сочетания моделей процесса в деятельности Судебной палаты МУС.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере международного уголовного процесса: метод системно-структурного анализа; формально-логический метод; метод синтеза социально-правовых явлений; метод исторического описания.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования подтверждена актуальность решения вопроса о функциях и роли суда при рассмотрении уголовного дела по существу в современной науке уголовного процесса. На примере особенностей регламентации и организации деятельности Судебной палаты МУС обоснован тезис о том, что состязательная модель уголовного процесса не исключает возможность закрепления за судом активной роли при исследовании подлежащих доказыванию обстоятельств, а также постановки цели достижения материальной истины, обусловленной решением задач по полному, всестороннему и объективному исследованию материалов дела. Кроме того, выделены три уровня в структуре функций и полномочий Судебной палаты МУС, каждый из которых в правоприменительной практике воплощается как условие особого и гибкого сочетания состязательного и следственного начал судопроизводства.

Обсуждение и заключение. Обосновано, что выполнение судом активной роли при производстве по уголовному делу не вступает в противоречие с состязательным характером судопроизводства в целом; исходя из анализа положений Римского статута МУС, Правил процедуры и доказывания, судебной практики международных трибуналов, отмечены преимущества и недостатки в деятельности Судебной палаты МУС.

Ключевые слова: модель процесса; Судебная палата; Международный уголовный суд; следственное начало; состязательное начало; состязательность; истина; судебная практика.

Как цитировать
Печегин Д.А. Теория и практика сочетания моделей процесса в деятельности Судебной палаты Международного уголовного суда // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 2. С. 97–106. DOI: https://doi.org/10.17816/RJLS629275

Рукопись получена: 20.03.2024 **Рукопись одобрена:** 10.04.2024 **Опубликована:** 17.06.2024

ЭКО • ВЕКТОР

Статья доступна по лицензии CC BY-NC-ND 4.0 International
© Эко-Вектор, 2024

DOI: https://doi.org/10.17816/RJLS629275

Theory and Practice of Mixing Procedural Models in the Trial Chamber of the International Criminal Court

D.A. Pechegin

Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

INTRODUCTION. In the context of the active development of information technologies and their integration into the main models of judicial proceedings, the functions and role of the court in considering a criminal case on its merits have become a highly relevant topic of modern science. On one hand, many scientists have focused on strengthening the adversarial nature of legal proceedings, ensuring a balance of power between the parties, and building mechanisms to guarantee the right to judicial protection. However, legal proceedings that do not pursue any normatively fixed goals lead to excessive formalism, as the adversarial system remains the only proven method for establishing the circumstances of a case. This approach does not fully align with the principles of justice and fairness in the final verdict. The International Criminal Court (ICC) embodies a scientific approach to solving the problem of combining various forms of legal proceedings and ensuring a balance of power between the parties, partly by assigning an active role to the court and aiming to achieve truth in the process. The ICC's criminal process results from scientific modeling that considers identified doctrinal trends. The high degree of commonality in the approaches of leading lawyers within the Rome Statute of the ICC suggests their universality. This article explores the theoretical and practical aspects of combining process models in the ICC Trial Chamber activities.

MATERIALS AND METHODS. The methodological basis of this article comprises general scientific and special methods for understanding legal phenomena and processes in the field of international criminal procedure. These include the method of system-structural analysis, the formal logical method, the method for synthesizing sociolegal phenomena, and historical description.

RESULTS. This article confirms the relevance of addressing the functions and role of the court in considering a criminal case and its merits in modern criminal procedure research. Using the ICC Trial Chamber's regulatory and organizational peculiarities, it substantiates that the adversarial model of the criminal process does not preclude assigning an active role to the court in examining the facts to be proved. It also supports setting the goal of achieving material truth, which is essential for completing a complete, comprehensive, and objective study of the case materials. Furthermore, there are three levels in the structure of the ICC Trial Chamber's functions and powers, each of which is embodied in law enforcement practice to facilitate a special and flexible combination of the adversarial and investigative principles of legal proceedings.

DISCUSSION AND CONCLUSION. This article proves that a court's active role in criminal proceedings does not conflict with the adversarial nature of proceedings. An analysis of the provisions of the Rome Statute of the ICC, the Rules of Procedure and Evidence, and the jurisprudence of international tribunals highlights the advantages and disadvantages of the ICC Trial Chamber.

Keywords: procedural model; Trial Chamber; International Criminal Court; investigation core; adversarial core; controversy; truth; jurisprudence.

To cite this article

Pechegin DA. Theory and practice of mixing procedural models in the Trial Chamber of the International Criminal Court. *Russian journal of legal studies.* 2024;11(2):97–106. DOI: https://doi.org/10.17816/RJLS629275

Received: 20.03.2024 **Accepted:** 10.04.2024 **Published:** 17.06.2024

ECO•VECTOR

Article can be used under the CC BY-NC-ND 4.0 International License
© Eco-Vector, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Все большее проникновение современных технологий в основные системы судопроизводства ставит вопрос о развитии и преобразовании отечественной формы уголовного процесса в разряд наиболее актуальных в современной науке. Учитывая справедливость постановки данного вопроса в условиях, когда на подзаконном уровне к субъектам доказывания предъявляются требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, а законодатель исходит из категорий справедливости и мотивированности решений, принимаемых по делу, многие исследователи для поиска на него ответа обращаются к моделям процесса, наиболее сбалансированным с точки зрения сочетания состязательного и следственного начал, по крайней мере, в теоретическом разрезе. В данном отношении примечательна модель процесса, отраженная в Римском статуте МУС.

МУС является международной организацией, эффективность деятельности которой во многом поставлена в зависимость от успешности принятых организационно-управленческих решений при взаимодействии, прежде всего, с правоохранительными органами и системой уголовной юстиции конкретных государств, являющихся стороной конфликта, относящихся к третьим государствам либо юрисдикциям, располагающим значительными ресурсами для получения оперативной информации и (или) доказательств по делу [1; 2; 3]. Такое положение МУС в системе отношений международного сообщества, возникающих в области противодействия преступности, предопределило необходимость теоретического построения формы международного уголовного судопроизводства таким образом, чтобы она позволяла беспрепятственно взаимодействовать с национальной системой права любого государства [4].

Степень обобщенности подходов ведущих юристов — представителей самых разных правовых семей — в структуре Римского статута МУС столь высока, что позволяет говорить об универсальности заложенной в него системы процессуальных положений [5, с. 96–116]. На международном уровне такой консенсус ведет к достижению наибольшей эффективности правоприменительной деятельности [6, с. 281–288]. Данная особенность в деятельности МУС особенно заметна при обращении к анализу положений Римского статута МУС о Судебной палате [7; 8; 9].

ИССЛЕДОВАНИЕ

Став уникальным инструментом преломления различных правовых традиций [10], Римский статут МУС продемонстрировал возможность достижения гармонии при построении смешанной модели судопроизводства в доктринальном аспекте, поскольку практическая сторона данной проблемы оставляет много вопросов [11]. В соответствии с преамбулой Рекомендации от 19 октября 1992 г. № R (92) 17 Комитета Министров Совета Европы анализ содержащихся в международном праве требований показывает, что справедливость предполагает как минимум: справедливое рассмотрение и решение в сроки, устанавливаемые законом; обязанность суда принять все предусмотренные законом меры для правильного разрешения дела, выявлять обстоятельства, как обосновывающие виновность подозреваемого и обвиняемого, так и оправдывающие их, давать им правильную правовую оценку, обеспечивать восстановление в правах тех лиц, чьи права были незаконно, необоснованно нарушены при производстве по уголовному делу [12, с. 26].

Научный интерес, по этим причинам, представляет анализ характеризуемого универсальностью судебного этапа производства по уголовным делам в МУС. С учетом особого статуса и положения, а также ключевой роли в ходе судебного этапа производства уголовного дела, отразим некоторые наиболее актуальные аспекты деятельности Судебной палаты МУС, которые ярко демонстрируют сочетание моделей процесса в ее деятельности.

Судебная палата МУС: теоретические аспекты

Римский статут МУС определяет полномочия и функции Судебной палаты МУС. Их основы закреплены в ст. 64 Римского статута МУС. Например, именно Судебная палата МУС обеспечивает, чтобы разбирательство было справедливым и быстрым и проводилось при полном соблюдении прав обвиняемого и с должным учетом необходимости защиты потерпевших и свидетелей. В частности, после назначения дела к слушанию совместно со сторонами Судебная палата МУС устанавливает, какие процедуры надлежит применить при рассмотрении конкретного дела для целей содействия справедливому и быстрому проведению разбирательства; определяет язык производства по делу; предусматривает раскрытие, заблаговременно до начала судебного разбирательства, документов или информации, которые до этого не были раскрыты, с тем, чтобы можно было надлежащим образом подготовиться к процессу и др.

Однако ст. 64 Римского статута МУС не является нормой, исчерпывающим образом определяющей полномочия Судебной палаты МУС. Они могут быть предусмотрены и в других положениях Римского статута МУС, а также Правил процедуры и доказывания, сформированных в том числе с учетом влияния предшественников МУС [13; 14]. Так, функции Судебной палаты МУС, связанные с утверждением виновности лица, назначением наказания, возмещением потерпевшим причиненного ущерба, регламентированы другими статьями Римского статута МУС. Кроме того, согласно ст. 69 Римского статута МУС, а также правилу 63 Правил процедуры и доказывания, Судебная палата МУС правомочна беспрепятственно оценивать все представленные доказательства, чтобы определить их относимость и допустимость. При этом

подлежат оценке не только материалы, собранные стороной защиты, но и материалы обвинения.

Более того, в соответствии со ст. 69(3) Римского статута МУС судебная палата МУС правомочна требовать представления всех доказательств, какие только нужны для установления истины. Таким образом подчеркивается особая роль судебного разбирательства, в ходе которого должна быть *достигнута истина, а также обеспечена справедливость приговора* [15, с. 1213]. Все это в совокупности дает дополнительные гарантии [16, с. 299] стороне защиты.

Анализ Римского статута МУС и Правил процедуры и доказывания на предмет установления функций и определения полномочий судебной палаты МУС позволяет говорить о наличии их определенной структуры, состоящей из трех уровней:

I. Разрешение «предварительных» вопросов: самостоятельно либо путем передачи такого вопроса судье Палаты предварительного производства МУС.

II. Подготовка к судебному разбирательству: определение процедур, которые будут применяться при рассмотрении дела по существу; установление языка; принятие мер по обеспечению конфиденциальности информации и средств защиты участников судопроизводства, если это необходимо; назначение даты заседания и др.

III. Рассмотрение дела по существу: обеспечение качества отправления правосудия, включая справедливость, беспристрастность, требование соблюдения прав обвиняемого, потерпевшего и свидетелей, достижение истины в условиях быстрого, безопасного и эффективного судопроизводства.

Исследуя представленную структуру, следует обратить внимание на особое сочетание моделей процесса (а если быть конкретнее, то следственного и состязательного начал) в деятельности судебной палаты МУС.

Например, судебная палата МУС в ходе реализации своих функций обязана предпринимать меры для защиты потерпевших. Поэтому требование полного соблюдения прав обвиняемого при рассмотрении дела в МУС нельзя понимать буквально. В целях обеспечения безопасности никто не станет раскрывать обвиняемому при производстве по уголовному делу в МУС имена потерпевших и свидетелей, даже если обвиняемый обладает сведениями о том, что эти лица, например, оговаривают его. Возможным выходом в этой ситуации для соблюдения баланса станет сообщение обвиняемым судебной палате МУС всех сведений о том, кто и как может его оговорить, либо предоставление обвиняемому сведений о свидетелях и потерпевших непосредственно перед судебным разбирательством, как это имело место в практике Международного Трибунала по Руанде [15, с. 1204; 17].

Кроме того, после назначения даты проведения судебного разбирательства судебная палата МУС может проводить распорядительные заседания по любым вопросам, относящимся к последующему разбирательству дела по существу, а также совещаться со сторонами в целях содействия справедливому и быстрому разрешению дела. Примечательно в данном отношении то, что к сторонам относятся не только Прокурор МУС и обвиняемый, но также потерпевшие и их представители, представители того или иного государства, другие заинтересованные лица (например, третьи государства).

Предметом такого совещания согласно ст. 64(3) Римского статута МУС может стать определение языка судебного заседания, необходимости предоставления переводчика какой-либо из сторон, раскрытие той или иной информации, тех или иных доказательств, которые пока еще не были предоставлены стороне защиты, с тем, чтобы последняя имела возможность подготовиться к судебному заседанию, вызов дополнительных свидетелей, выяснение позиции потерпевших и (или) их представителей относительно того, желают ли они принимать участие в допросе экспертов или свидетелей и пр. Такие требования являются откликом ст. 14(3) Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 6(3)(b) Европейской Конвенции о правах человека и основных свобод [15. С. 1206-1210].

При этом, несмотря на то, что судебное разбирательство по делу в МУС является открытым, из этого правила *есть исключения*. Стороны вправе ходатайствовать о том, что определенные обстоятельства (например, защита конфиденциальной или чувствительной информации, защита потерпевших или свидетелей) могут потребовать проведения закрытого судебного разбирательства полностью либо в части. Разрешать такое ходатайство будет судебная палата МУС на основе представленных сторонами фактов, доказательств и возражений. *Состязательное начало здесь будет проявляться в том, что сторонам предоставляется дополнительная возможность еще раз донести свою позицию до суда*.

Предоставление доказательств стороне защиты связано с другими положениями Римского статута МУС, в частности, со ст. 93. Последняя, между тем, сконструирована достаточно абстрактно, ввиду чего нельзя с полной уверенностью сказать, какая именно информация может быть представлена стороне защиты. Обращаясь к ст. 64(2) Римского статута МУС, убеждаемся, что предоставление стороне защиты сведений о потерпевших или свидетелях ограничивается требованием обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Так, государство может обратиться к МУС с ходатайством о принятии мер по обеспечению безопасности своих граждан согласно ст. 68(6) Римского статута МУС. Более того, судебная палата МУС будет ограничена в возможности принять решение о раскрытии доказательств в случае, предусмотренном ст. 54(3)(e) Римского статута МУС.

Обеспечение сохранности конфиденциальной информации также входит в структуру полномочий Судебной

палаты МУС при рассмотрении дела по существу, а равно при подготовке дела к его рассмотрению, исходя из положений ст. 64(6)(c) Римского статута МУС. Однако эта норма является бланкетной, поскольку конкретные меры сохранности информации в конфиденциальном режиме предусмотрены в ст. 54(3)(e), 68(6), 93(8)(b) и 98(8)(c) Римского статута МУС. Тем не менее вопрос сохранности той или иной информации может быть разрешен, при наличии такой необходимости, в условиях проведения слушания *ex parte* и *in camera*. Такой порядок, например, может потребоваться при решении вопроса о сохранении в тайне источника сведений, предоставленных конкретным государством.

В соответствии со ст. 64(6)(d) Римского статута МУС Судебная палата как до[1], так и во время судебного разбирательства вправе отдать распоряжение о приобщении к делу дополнительных доказательств. Данное полномочие представляется весьма важным с точки зрения достижения цели истины при производстве по делу в МУС. Такое положение Римского статута МУС полностью соответствует правилу 98 Правил процедуры и доказывания Международного Трибунала по бывшей Югославии и *свидетельствует о влиянии континентального порядка судопроизводства* на структуру процесса в деятельности Судебной палаты МУС.

Требование полного соблюдения прав обвиняемого при рассмотрении дела в МУС, как было сказано выше, нельзя понимать буквально. Так, в целях обеспечения безопасности Судебная палата МУС вправе *распорядиться о нераскрытии* обвиняемому имен потерпевших и свидетелей, даже если обвиняемый обладает сведениями о том, что эти лица, например, оговаривают его. В то же время права потерпевших и свидетелей наталкиваются на необходимость отправления справедливого правосудия и соблюдения законных прав подсудимого. В этом отношении Судебная палата МУС может избрать такую форму представления доказательств участниками процесса, какую сочтет приемлемой в рамках конкретного разбирательства. Например, свидетели или потерпевшие могут дать свои показания в условиях *in camera* либо при помощи электронных средств представления сведений.

В соответствии со ст. 64(6)(f) Римского статута МУС в ходе реализации своих полномочий и функций применительно к конкретному разбирательству Судебная палата МУС может отдать и иные необходимые распоряжения. Эта норма позволяет расширительно трактовать ее роль при производстве по делу в МУС. Она обладает бланкетным характером, отсылая нас к положениям частей 2, 3, 6 и 9 Римского статута МУС.

Несмотря на то обстоятельство, что определенные вопросы, в том числе касающиеся чувствительной или конфиденциальной информации, скажем, об изнасиловании, требуют закрытого судебного заседания для целей их разрешения при производстве по делу в МУС, тем не менее Судебная палата МУС будет ***обязана публично объявить причины***, по которым она приняла соответствующее решение о рассмотрении вопроса *in camera*. До принятия соответствующего решения согласно ст.68(2) Римского статута МУС она выясняет мнение потерпевшего или свидетеля, в том числе с возможностью использования любых форм предоставления такого мнения по аналогии с регулированием, установленным в ст. 64(6)(c) Римского статута МУС.

Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что обвинения зачитывает подсудимому в МУС суд, а не прокурор. Основание такого подхода лежит в том, что именно судебный орган МУС в лице Палаты предварительного производства утвердил обвинения по конкретному делу. Поэтому Судебная палата МУС и обладает полномочием зачитывать обвинение самостоятельно, что ***не влияет на соблюдение требования беспристрастности*** при принятии итогового судебного решения по делу.

При этом до начала судебного разбирательства Прокурор МУС вправе с разрешения Палаты предварительного производства изменить обвинения, уведомив об этом обвиняемого. Изменение обвинений в худшую для обвиняемого сторону возможно лишь в рамках инициирования новой процедуры утверждения обвинений в соответствии со ст. 61 Римского статута МУС. После начала судебного разбирательства изменение обвинений в худшую для подсудимого сторону по общему правилу не допускается. *Смягчение обвинений* при этом *возможно лишь с разрешения Судебной палаты МУС*, что еще раз подчеркивает активную роль суда при производстве по делу.

После *прочтения* обвинений *вслух* Судебная палата МУС удостоверяется в том, что подсудимый осознает, в чем его обвиняют. В дальнейшем акцент производства по делу в МУС несколько смещается в сторону англосаксонских правовых традиций, поскольку инициируется процедура *guilty plea* [18, с. 793]. Отличие состоит лишь в том, что ***в МУС эта процедура трансформируется*** не в согласие с предъявленным обвинением, а ***в допущение со стороны подсудимого своей вины в содеянном***.

Такая процедура пронизана как состязательным, так и розыскным началами уголовного процесса, поскольку *стала компромиссом* англосаксонского (так называемая процедура «*guilty plea procedure*») и континентального (в немецкой науке так называемое «*Anerkennung der Fakten*», что в английской трактовке может быть переведено формулой «*admission of the facts*») подходов. Именно поэтому неслучайным является то, что в Римском статуте МУС данная процедура называется «*admission of guilt*», что указывает на сочетание моделей процесса.

[1] Имеется в виду промежуток времени, когда Судебная палата МУС уже образована, но еще не приступила к рассмотрению дела по существу.

Таким образом, мы увидели, что деятельность Судебной палаты МУС обусловлена необходимостью поддержания баланса сторон и состязательности производства по делу. С другой стороны, обусловленность деятельности данными требованиями отнюдь не превращает Судебную палату МУС в пассивного наблюдателя. С учетом доктринальных начал построения модели процесса в Римском статуте МУС можно констатировать, что в деятельности Судебной палаты МУС органично сочетаются состязательное и следственное начала, хотя и настолько, насколько это допустимо для целей отправления справедливого, эффективного, быстрого, беспристрастного и состязательного правосудия в принципе. Рассмотрим практический аспект анализируемого вопроса.

Судебная палата МУС: практические аспекты

Дискреционный характер полномочий Судебной палаты МУС по передаче на разрешение судьи Палаты предварительного производства МУС так называемого предварительного вопроса не означает, что данный вопрос будет рассмотрен *a priori* на безусловной основе. Передача «предварительного» вопроса на разрешение единолично конкретному судье Отделения предварительного производства, исходя из Правил процедуры и доказывания, не связывает такого судью. Он вправе инициировать рассмотрение данного вопроса в коллегиальном составе в связи со сложностью вопроса либо спецификой производства по конкретному делу. Вместе с тем на практике был случай, когда в передаче вопроса на разрешение другому судье Палаты предварительного производства в связи с командировкой судьи, который ранее вел дело, было отказано, поскольку МУС посчитал такое решение контрпродуктивным. Поэтому передача «предварительного» вопроса на разрешение первоначально предназначается ***конкретному судье***[2].

Судебная палата МУС может в рамках состязательной процедуры как объединить дела для совместного рассмотрения единого дела по существу, так и разделить их. С этой целью Судебная палата МУС направляет всем заинтересованным лицам уведомления и позволяет им представить письменно свою позицию. Практика решения подобных вопросов в литературе в основном связывается с деятельностью Международного Трибунала по бывшей Югославии (далее — МТБЮ). Например, при производстве по делу *Delalic et al.* МТБЮ постановил, что раздельное рассмотрение уголовного дела в отношении обвиняемых, несмотря на ходатайство одного из них, приведет к необоснованному затягиванию процесса в целом и потребует неоднократности вызова свидетелей и потерпевших, что скажется на эффективности и справедливости правосудия[3]. Даже наличие конфликта интересов между обвиняемыми, когда один из них располагает доказательствами виновности другого, скорее всего, не сможет оказать действенного влияния для целей раздельного рассмотрения их дел по существу[4].

В принципе, такой же линии придерживается и МУС[5]. В целом анализ международной правоприменительной практики по данному вопросу позволяет констатировать соответствие выработанных им критериев для целей определения раздельного либо совместного рассмотрения дел национальным практикам в сфере уголовного судопроизводства.

Судебная палата МУС отвечает за проведение последующего разбирательства дела по существу и в соответствии со ст. 64(6)(a) Римского статута МУС полномочна осуществлять любую функцию Палаты предварительного производства, указанную в ст. 61(11) Римского статута МУС. Вместе с тем последняя *устанавливает границы компетенции* Судебной палаты МУС, так как связывает определение рамок ее полномочий *лишь* с *конкретным разбирательством, то есть делом*.

Статья 64(6)(b) Римского статута МУС вновь заставляет поднимать вопрос эффективности функциональности МУС в целом, которая зависит от уровня и качества его сотрудничества с конкретным государством. Свидетель может и не выразить своего желания посещать МУС для участия в процессе. Равным образом государство-участник Римского статута МУС либо государство, приглашенное к сотрудничеству *ad hoc*, не обязаны представлять свидетелей МУС с использованием принудительных сил [19, с. 251; 20, с. 616]. В данном случае Судебная палата МУС полномочна лишь выстраивать кооперацию с конкретными государствами. При этом данная статья не ограничивает Судебную палату МУС в форме представления свидетельских показаний, которые могут быть переданы МУС в письменном виде либо представлены, скажем, посредством использования видео-конференц-связи[6].

При признании обвиняемым своей вины, которое возможно лишь перед началом разбирательства в МУС дела по существу, Судебная палата МУС определяет, осознает ли он характер и последствия такого признания, а также было ли данное намерение добровольным. Такая обязанность Судебной палаты МУС служит гарантией

[2] Prosecutor v. Lubanga. *ICC Trial Chamber Decision on whether two judges alone may hold a hearing – and – Recommendations to the Presidency on whether an alternate judge should be assigned for the trial.* 22 May 2008. ICC-01/04-01/06-1349.

[3] Delalic et al. *Trial Chamber Judgement.* 25 September 1996. No. IT-96-21-T.

[4] Prosecutor v. Barayagwiza. *Decision on the request of the defence for severance and separate trial.* 26 September 2000. No. IT-97-19-I.

[5] Prosecutor v. Katanga and Ngudjolo. *Decision on the Joinder of the Cases against Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui.* 10 March 2008. ICC-01/04-01/07-257.

[6] Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang. *Judgment on the appeals of William Samoei Ruto and Mr Joshua Arap Sang against the decision of Trial Chamber V (A) of 17 April 2014 entitled 'Decision on Prosecutor's Application for Witness Summonses and resulting Request for State Party Cooperation'.* 9 October 2014. ICC-01/09-01/11-1598.

справедливости судопроизводства и обеспечения прав обвиняемого[7]. При этом признать свою вину в совершении международных преступлений может только лично сам обвиняемый [21, с. 1226].

Для того чтобы подсудимый осознал характер и последствия заявления о признании вины, он информируется Судебной палатой МУС: о существе выдвинутых против него обвинений и их элементах, а также о том, каких прав, гарантируемых Римским статутом МУС, он лишится. Так, подсудимому в соответствии со ст. 77 Римского статута МУС разъясняется, что в случае постановления обвинительного приговора, ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 30 лет, а при совершении особо тяжких преступлений возможно назначение и пожизненного лишения свободы, несмотря на позиции сторон по данному вопросу.

Обычно подсудимый обладает такими правами, как право на открытое и полноценное судебное разбирательство; право хранить молчание[8]; право явиться на судебное разбирательство с тем, чтобы иметь возможность высказать свою позицию по делу[9]; право допрашивать свидетелей и представлять доказательства[10]; право требовать выделения дела для его рассмотрения по существу и разрешения вопроса о наказании в отдельное производство, поскольку в последнем случае возможно представление дополнительных доказательств, которые могут смягчить наказание осужденного согласно ст. 76(2) Римского статута МУС. В случае допущения своей вины (*admission of guilt*) в начале судебного разбирательства подсудимый будет лишен каждого из прав, перечисленных выше.

Следует отметить, что лишение подсудимого этих прав согласно ст. 67(1)(h) Римского статута МУС не ограничивает его возможности выступать с устными или письменными заявлениями в свою защиту без принятия присяги[11]. Это означает, что за дачу ложных показаний ни обвиняемый, ни подсудимый отвечать не будут, хотя согласно ст. 70(1) Римского статута МУС такое поведение расценивается как преступление против отправления правосудия. Последнее не распространяется на обвиняемого или подсудимого в силу того, что *получение его позиции по делу важнее того, говорит он правду или нет*.

Если подсудимый каким-либо образом нарушает установленные процедурой *admission of guilt* условия, то в этом случае не соблюдаются требования осознанности предпринятых им ранее шагов. Последнее касается такого обстоятельства, когда, например, подсудимый, несмотря на запрет, при представлении своей позиции по делу пытается сослаться на свое неудовлетворительное психическое или физическое состояние с тем, чтобы поставить под сомнение возможность назначения ему наказания. В таком случае Судебная палата определяет, что судопроизводство по делу должно быть продолжено в обычном порядке.

Помимо всего вышесказанного относительно процедуры признания вины, ст. 65(1)(b) Римского статута МУС требует, чтобы последнее было сделано лишь после консультации с защитником. Такое требование связано с тем, чтобы исключить возможность какого-либо воздействия на обвиняемого при принятии соответствующего решения [21, с. 1228]. Однако признание вины не влечет автоматического осуждения того или иного лица, поскольку Судебная палата МУС, в соответствии со ст. 65(1)(c) Римского статута МУС, будет *обязана проверить, подтверждается ли вина подсудимого собранными по делу доказательствами,* и только в таком случае постановит обвинительный приговор.

Именно поэтому в начале данной статьи было обращено внимание на *сочетание англосаксонского и континентального подходов*. По существу на этом этапе производства по делу в МУС речь идет об определенном выборе дальнейшей формы производства по делу. Однако активная роль суда при производстве по делу в МУС, а также требование достижения истины при рассмотрении дела в МУС, по существу, диктуют необходимость ***трактовки любых сомнений*** в осознанности предпринятых подсудимым шагов в его пользу, т.е. ***в пользу обычного порядка*** производства по уголовному делу с соблюдением всех правил процедур и доказывания и предоставлением подсудимому максимального набора прав и процессуальных гарантий.

---

[7] Prosecutor v. Momir Nikolic. *ICTY Trial Chamber I Sentencing Judgement.* 2 December 2003. No. IT-02-60/1-S. para 49.

[8] Такое положение непосредственно основано на положениях ст. 14(3) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., однако существенно развивает последнее, поскольку предусматривает, что молчание обвиняемого и его отказ от сотрудничества с прокурором не может и не должно расцениваться как ухудшающее положение лица обстоятельство. См.: Prosecutor v. Delalić. *ICTY Appeals Chamber Judgement.* 20 February 2001. No. IT-96-21-A. para. 783; Prosecutor v. Plavšić. *ICTY Trial Chamber Sentencing Judgement.* 27 February 2003. No. IT-00-39&40/1. para. 64.

[9] Проведение слушания в отсутствие одной или обеих сторон, скорее всего, возможно. Например, ст. 72(7) Римского статута МУС устанавливает, что так называемое слушание *ex parte* будет возможным в целях обеспечения национальной безопасности, бережного отношения к жертвам преступления, подвергшимся насилию и др.

[10] В своем особом мнении по делу Тадича судья Vohrah указал, что такое принципиальное положение направлено на то, чтобы предоставить стороне защиты возможности для качественной подготовки к судебному рассмотрению дела и при том равные тем, какие есть у стороны обвинения, а в частности – у прокурора. Таким образом, соблюдается баланс между сторонами и тем самым обеспечивается состязательность судопроизводства. См.: Prosecutor v. Tadić. *ICTY Trial Chamber Separate Opinion of Judge Vohrah on Prosecution Motion for Production of Defence Witness statements.* 27 November 1996. No. IT-94-1-T.

[11] Это положение Римского статута МУС является инновацией в области международных стандартов прав и свобод человека при производстве по уголовному делу. Несмотря на то, что последнее распространено в уголовно-процессуальных системах континентально-правовой традиции, ни один международный трибунал, предшествовавший МУС, таких норм не содержал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В уголовном процессе важны процедуры как состязательного, так и следственного характера. Между тем такие процедуры не могут существовать изолированно друг от друга, поскольку процесс есть воплощение в жизни норм материального права. Следовательно, важно найти баланс между ними. Стремление обнаружить наиболее подходящую модель судебного разбирательства привело исследователей к поиску системы, гармонично отражающей традиции основных правовых систем современности. С одной стороны, необходимо укреплять состязательность, особенно на досудебной стадии уголовного процесса, тем более в условиях активного развития и внедрения информационных технологий в судопроизводство. С другой стороны, абсолютизация состязательности может привести к излишнему формализму, который не имеет отношения к правосудию.

Подтверждена актуальность решения вопроса о функциях и роли суда при рассмотрении уголовного дела по существу в современной науке уголовного процесса. В этом отношении модель процесса, отраженная в Римском статуте МУС, представляет особый интерес, поскольку является результатом специального научного моделирования. На примере особенностей регламентации и организации деятельности Судебной палаты МУС обоснован тезис о том, что состязательная модель уголовного процесса не исключает возможность закрепления за судом активной роли при исследовании подлежащих доказыванию обстоятельств, а также при постановке цели достижения материальной истины, обусловленной решением задач по полному, всестороннему и объективному исследованию материалов дела.

Наиболее ярко это сочетание прослеживается при анализе деятельности Судебной палаты МУС. Так, можно говорить о наличии трех уровней в структуре функций и полномочий Судебной палаты МУС. При этом каждый из этих уровней в правоприменительной практике воплощается как условие особого и гибкого сочетания состязательного и следственного принципов судопроизводства, когда каждый из них способствует полноценной реализации другого.

Конечно, судопроизводство в МУС не лишено недостатков, что подтверждается проанализированной судебной практикой. Тем не менее теоретическая модель судопроизводства МУС на сегодняшний день является наиболее универсальной с точки зрения сочетания состязательного и следственного начал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Liu H. Review of Errol P. Mendes, Peace and justice at the International Criminal Court: a court of last resort // Asian Criminology. 2013. Vol. 8, N. 3. P. 227-230. doi: 10.1007/s11417-012-9144-0

2. Olásolo H. Reflections on the International Criminal Court's jurisdictional reach // Criminal Law Forum. 2005. Vol. 16. P. 279–301. DOI: 10.1007/s10609-005-4727-4

3. Nsereko D.D.N. The international Criminal Court: jurisdictional and related issues // Criminal Law Forum. 1999. Vol. 10. P. 87–120. doi: 10.1023/A:1009426921535

4. Post H.H.G. The State of the International Criminal Court, of special tribunals and of international criminal law: a concise review // Neth Int Law Rev. 2022. Vol. 69. P. 361–382 doi: 10.1007/s40802-022-00229-7

5. Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya., Avtonomov A.S., et. al. Justice in the modern world. 2-nd edition. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, 2019.

6. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства — уроки истории и некоторые перспективы реформирования // Библиотека криминалиста. 2014. № 6(17). С. 281–288. EDN: SYQGQT

7. Печегин Д.А. Соотношение розыскного и состязательного начал в международных документах, регулирующих уголовное судопроизводство // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 6. С. 50–59. EDN: TFLPZJ

8. Печегин Д.А. Проблема сочетания состязательных и следственных начал при производстве по уголовному делу: поиск решения на примере Международного уголовного суда // Законодательство. 2015. № 2. С. 69–77. EDN: TGRQXD

9. Печегин Д.А. Состязательная и розыскная модели судопроизводства в Международном уголовном суде. Москва: Юрлитинформ, 2017. EDN: XXCPXD

10. Лебедев В.М., Хабриева Т.Я., Автономов А.С., и др. Правосудие в современном мире. Москва: Норма, 2012. EDN: UXCMOI

11. Stegmiller I. The International Criminal Court and Mali: towards more transparency in international criminal law investigations? // Criminal Law Forum. 2013. Vol. 24. P. 475–499. doi: 10.1007/s10609-013-9217-5

12. Андрусенко С.П., Голованова Н.А., Гравина А.А., и др. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / под ред. В.П. Кашепова. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Анкил, 2012. EDN: RRXEFX

13. Boas G. Developments in the law of procedure and evidence at the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the

International Criminal Court // Criminal Law Forum. 2001. Vol. 12. P. 167–183 DOI: 10.1023/A:1013030905234

14. Nsereko D.D.N. The role of the international criminal tribunals in the promotion of peace and justice: the case of the international Criminal Court // Criminal Law Forum. 2008. Vol. 19. P. 373–393. doi: 10.1007/s10609-008-9072-y

15. Bitti G. Article 64. Functions and powers of the Trial Chamber. In: Triffterer O., editor. Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: observers' notes. München: Beck; Or: Hart, 2008. P. 1621–1634.

16. Schabas W.A. An introduction to the International Criminal Court. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. doi: 10.1017/9781316459997

17. Magliveras K.D., Naldi G.J. The International Criminal Court's involvement with Africa: evaluation of a fractious relationship // Nordic Journal of International Law. 2013. Vol. 82, N. 3. P. 417-446. doi:10.1163/15718107-08203004

18. Swoboda S. Verfahrens- und beweisstrategien vor den UN-ad hoc tribunalen. Baden Baden: Nomos, 2013. doi: 10.5771/9783845244921

19. Khan K., Buisman C., Gosnell C., editors. Principles of evidence in international criminal justice. Oxford: Oxford University Press, 2010. doi: 10.1093/law/9780199588923.001.0001

20. Kress C. The procedural law of the International Criminal Court in outline: anatomy of a unique compromise // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1, N. 3. P. 603–617. doi: 10.1093/jicj/1.3.603

21. Guariglia F., Hochmayr G. Article 65. Proceedings on an admission of guilt. In: Triffterer O., editor. Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: observers' notes. München: Beck; Or: Hart, 2008. P. 1621–1634.

REFERENCES

1. Liu H. Review of Errol P. Mendes, Peace and justice at the International Criminal Court: a court of last resort. *Asian Criminology.* 2013;8(3):227–230. DOI: 10.1007/s11417-012-9144-0

2. Olásolo H. Reflections on the International Criminal Court's jurisdictional reach. *Criminal Law Forum.* 2005;16:279–301. doi: 10.1007/s10609-005-4727-4

3. Nsereko D.D.N. The International Criminal Court: jurisdictional and related issues // Criminal Law Forum. 1999;10:87–120. doi: 10.1023/A:1009426921535

4. Post HHG. The State of the International Criminal Court, of special tribunals and of international criminal law: a concise review. *Neth Int Law Rev*. 2022;69:361–382 doi: 10.1007/s40802-022-00229-7

5. Lebedev VM, Khabrieva TYa, Avtonomov AS, et. al. *Justice in the modern world. 2-nd edition.* Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation; 2019.

6. Volevodz AG. International cooperation in the field of criminal procedure — lessons of history and some reforming issues. *Criminologist Library.* 2014;(6):281–288. EDN: SYQGQT

7. Pechegin DA. Inquisitorial and adversarial elements of a criminal procedure in the international acts. *Moscow University Bulletin. Series 11: Law.* 2014;(6):50–59. EDN: TFLPZJ

8. Pechegin DA. Combination of adversarial and investigative aspects in criminal procedure: International Criminal Court practice. *Legislation.* 2015;(2):69–77. EDN: TGRQXD

9. Pechegin DA. *Adversarial and investigative models of legal proceedings in the International Criminal Court.* Moscow: Yurlitinform; 2017. (In Russ.) EDN: XXCPXD

10. Lebedev VM, Khabrieva TYa, Avtonomov AS, et al. *Justice in the modern world.* Moscow: Norma, 2012. (In Russ.) EDN: UXCMOI

11. Stegmiller I. The International Criminal Court and Mali: towards more transparency in international criminal law investigations? *Criminal Law Forum.* 2013;24:475–499. doi: 10.1007/s10609-013-9217-5

12. Andrusenko SP, Golovanova NA, Gravina AA, et al. *International legal standards in criminal justice of the Russian Federation: scientific and practical guide.* Kashepova VP, editor. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Ankil, 2012. (In Russ.) EDN: RRXEFX

13. Boas G. Developments in the law of procedure and evidence at the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the International Criminal Court. *Criminal Law Forum.* 2001;12:167–183. doi: 10.1023/A:1013030905234

14. Nsereko DDN. The role of the international criminal tribunals in the promotion of peace and justice: the case of the International Criminal Court. *Criminal Law Forum.* 2008;19:373–393. doi: 10.1007/s10609-008-9072-y

15. Bitti G. Article 64. Functions and powers of the Trial Chamber. In: Triffterer O., editor. *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: observers' notes.* München: Beck; Or: Hart; 2008. P. 1621–1634.

16. Schabas WA. *An introduction to the International Criminal Court.* Cambridge: Cambridge University Press; 2011. doi: 10.1017/9781316459997

17. Magliveras KD, Naldi GJ. The International Criminal Court's involvement with Africa: evaluation of a fractious relationship. *Nordic Journal of International Law.* 2013;82(3):417–446. doi: 10.1163/15718107-08203004

18. Swoboda S. *Verfahrens- und beweisstrategien vor den UN-ad hoc tribunalen.* Baden Baden: Nomos; 2013. (In Ger.) doi: 10.5771/9783845244921

19. Khan K, Buisman C, Gosnell C, editors. *Principles of evidence in international criminal justice.* Oxford: Oxford University Press; 2010. doi: 10.1093/law/9780199588923.001.0001

20. Kress C. The procedural law of the International Criminal Court in outline: anatomy of a unique compromise. *Journal of International Criminal Justice.* 2003;1(3):603–617. doi: 10.1093/jicj/1.3.603

21. Guariglia F, Hochmayr G. Article 65. Proceedings on an admission of guilt. In: Triffterer O., editor. *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: observers' notes.* München: Beck; Or: Hart; 2008. P. 1621–1634.

ОБ АВТОРЕ

Денис Андреевич Печегин, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник; ORCID: 0000-0001-6499-9966; eLibrary SPIN: 1020-5326; e-mail: crim5@izak.ru

AUTHOR INFO

Denis A. Pechegin, candidate of legal sciences, leading researcher; ORCID: 0000-0001-6499-9966; eLibrary SPIN: 1020-5326; e-mail: crim5@izak.ru